

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012. Суд не несет ответственность за содержание настоящего краткого изложения. Более подробная информация содержится в полном указании об авторских правах в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда № 125

Декабрь 2009

---

## ***Велча и Мазэре против Румынии [Velcea and Mazăre v. Romania] (жалоба № 64301/01)***

Постановление от 1.12.2009 [Третья Секция]

### **Статья 8**

#### **Позитивные обязательства**

##### **Пункт 1 статьи 8**

#### **Уважение семейной жизни**

Отказ судов отстранить от наследования убийцу в связи с тем, что его собственная смерть не позволила признать его виновным: *нарушение*

### **Статья 2**

##### **Пункт 1 статьи 2**

#### **Жизнь**

#### **Эффективное расследование**

Эффективность расследования убийств, к совершению которых был причастен полицейский: *нарушение*

*Обстоятельства дела* – Заявителями являются отец и сестра Татьяны А. В 1993 г. Татьяна и ее мать были убиты во время драки с мужем Татьяны, Аурелом А. В ночь трагедии Аурела А. сопровождал его брат Георг Л., сотрудник полиции, который не находился при исполнении своих обязанностей. Георг Л. покинул место событий вместе с братом и привел его домой. Вскоре после этого Аурел А. совершил самоубийство, оставив два письма, в которых признавался в причинении смерти жене и теще. Георг Л., действуя в качестве сотрудника полиции, сообщил о происшествии в

полицию. Расследование в отношении Аурела А. было прекращено в связи со смертью виновного и непричастностью к убийству других лиц. По жалобе первого заявителя в отношении Георга Л. военная прокуратура начала расследование, которое было прекращено в 1994 г. в связи с отсутствием оснований для привлечения к ответственности. По жалобе заявителей Главная военная прокуратура при Верховном суде решила провести расследование, и оно было возобновлено. В 2003 г. вследствие внесения в законодательство изменений относительно статуса полицейских дело было передано в прокуратуру, которая в 2004 г. установила отсутствие оснований для привлечения к ответственности. Разбирательство по разделу имущества Татьяны началось в 1993 г. Первый заявитель просил отстранить семью Аурела А. от наследования на том основании, что его дочь была им убита. Гражданский кодекс Румынии (пункт 1 статьи 655, действовавший в то время) предусматривал, что лицо, осужденное за убийство, не допускается к наследованию имущества убитого. Толкуя данное положение буквально, румынские суды отказались признать Аурела А. не имеющим права на наследство, поскольку он не был признан виновным в убийстве вступившим в силу приговором суда, т.к. покончил с собой вскоре после убийства жены. Таким образом, Лучан Л., брат Аурела А., имел право на наследование имущества Татьяны.

*Право* – Статья 2: В данном деле расследование проводилось по инициативе властей. Прокуратура возбудила дело немедленно после того, как произошла трагедия, были приняты меры, направленные на сохранение следов на месте преступления. Однако, несмотря на то, информацию о причастности Георга Л., власти не сразу начали расследование в отношении него. Это было сделано только через несколько месяцев после того, как первый заявитель обратился с жалобой в установленном порядке.

Что касается вопроса адекватности расследования, Суд отметил ряд недостатков и упущений. Так, официальный протокол, составленный в ночь трагедии, не указывал, какие меры были приняты первой группой следователей, отсутствовали объяснения относительно причины их замены; жилище Аурела А. было обыскано только на следующий день; письма, оставленные Аурелом А. в квартире, были изъяты не прокурором, а взяты его братом, который передал их в прокуратуру спустя несколько месяцев. Кроме того, Георг Л. не был допрошен в ходе первого расследования, которое было прекращено прокуратурой лишь потому, что Аурел А. был мертв. Далее, хотя Георг Л. не действовал в качестве полицейского в момент трагедии в 1993 г., в свете действовавшего в то время национального законодательства независимость военных прокуроров, проводивших расследование, могла вызывать сомнения. И хотя в 2003 г. дело было передано в прокуратуру, последняя просто прекратила производство одиннадцать месяцев, не приняв никаких мер по расследованию. Привлечение прокуратуры оказалось недостаточно для того, чтобы компенсировать отсутствие полной независимости военных прокуроров, которые собрали большую часть доказательств в ходе расследования.

Что касается участия заявителей в расследовании, Суд отметил, что прокурор удовлетворил ходатайство второй заявительницы, касающееся копий документов первого расследования. Кроме того, в ходе второго расследования прокурор удовлетворил ее ходатайства об очной ставке между Георгом Л. и другими свидетелями и о реконструкции событий.

Наконец, очевидно, что при проведении расследования относительно роли Георга Л. в случившемся имели место задержки. Суд отметил, что расследование продолжалось более одиннадцати лет, что само по себе

является чрезмерно долгим срок. Он также отметил отсутствие тщательности со стороны прокуроров, расследовавших дело.

Таким образом, расследование относительно роли, которую сыграл полицейский Георг Л. в событиях 1993 г., которые окончились гибелью двух родственников заявителей, не являлось быстрым и эффективным.

*Вывод:* нарушение (единогласно).

Статья 8: В настоящем деле первый заявитель жаловался, по сути, на то, что брат его зятя, Лучан Л., унаследовал часть имущества его дочери. Национальные суды отказались признать зятя заявителя, Аурела А. не имеющим право на наследство по тому основанию, что он не был признан виновным в убийстве окончательным приговором суда. Вследствие этого его брат получил возможность требовать долю в наследстве и унаследовать после смерти дочери первого заявителя. Суд пришел к выводу о том, что требование о наличии вступившего в силу обвинительного приговора суда для признания лица не имеющим права на наследство может быть оправданным в связи с необходимостью защитить права и свободы других лиц, что является одной из законных целей, предусмотренных пунктом 2 статьи 8 Конвенции. В принципе, окончательный приговор суда является гарантией правовой определенности по сравнению с другими возможными выводами о виновности в отношении лица, предположительно, не имеющего права на наследство; это в интересах общества. При определении того, установили ли национальные суды справедливый баланс между конкурирующими интересами, особое внимание следует уделить сути правила, установленного Гражданским кодексом, о праве на наследство, и в частности, как оно было применено в настоящем деле. В свете конкретных обстоятельств настоящего дела, толкование соответствующего положения Гражданского кодекса было ненадлежащее ограниченным, причиняя тем самым ущерб семейной жизни первого заявителя. Не приняв во внимание вывод прокурора о том, что Аурел А. убил Татьяну А., признания преступника и подтверждение его вины семьей, суды вышли за пределы того, что являлось необходимым для обеспечения соблюдения принципа правовой определенности. Суд считал неприемлемым, что после смерти лица незаконность его действий может быть оставлена без последствий. Действительно, при принятии решения о прекращении уголовного дела было правильным то, что принципы, регулирующие привлечение к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении уголовно-наказуемых деяний, и их применение национальными властями, стали основанием для отказа в продолжении расследования вины Аурела А. после его смерти. Суд не может ставить под сомнение фундаментальный принцип национального уголовного законодательства, согласно которому уголовная ответственность является личной и непередаваемой. Тем не менее, формальное признание властями незаконности рассматриваемых действий до принятия решения о прекращении производства в связи со смертью соответствующего лица стало бы ясным сигналом обществу о том, что подобные действия властями не допускаются, и в то же время послужило бы основанием для предъявления возможных гражданских требований лицами, затронутыми происшествием. Для того чтобы соблюсти требование об уважении семейной жизни первого заявителя, следовало принять во внимание особые, если не сказать, исключительные, обстоятельства дела, не допустив тем самым механическое толкование принципа, установленного пунктом 1 статьи 655 Гражданского кодекса. Учитывая крайнюю необычность ситуации в настоящем деле и узкие пределы усмотрения государства-ответчика в вопросах семейной жизни, справедливое равновесие между интересами наследника Аурела А. с одной стороны и первого заявителя с другой стороны установлено не было. Тем не

менее, Суд с удовлетворением отметил последние изменения законодательства, касающиеся нормы относительно оснований права на наследство в новом румынском Гражданском кодексе.

*Вывод:* нарушение (единогласно).

Статья 41: 15,000 евро первому заявителю и 8,000 евро второму заявителю в качестве компенсации за причиненный моральный вред.

---

**© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012.**

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Суд не несет ответственность за содержание и качество настоящего перевода. Доступ к нему может быть получен через базу данных по прецедентной практике Европейского суда по правам человека HUDOC (<http://hudoc.echr.coe.int>) или любую другую базу данных, для использования в которой Суд его передал. Разрешается воспроизведение настоящего перевода в некоммерческих целях при условии указания полного наименования дела со ссылкой на авторские права. Для целей коммерческого использования какой-либо части настоящего перевода, пожалуйста, обращайтесь по адресу: [publishing@echr.coe.int](mailto:publishing@echr.coe.int).

**© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.**

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact [publishing@echr.coe.int](mailto:publishing@echr.coe.int).

**© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.**

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : [publishing@echr.coe.int](mailto:publishing@echr.coe.int).